

соплетающий отечеству, есть враг отечества своего; и бывшее худо и бывшее добро общему наставлению и общему благоденствию служит. Не полезно вымышленное повествование, о ком бы оно ни было. И вредоносна ложная история тому народу, о котором она: ежели она тем народом допущена или не опровержена, к ослеплению читателей».

Все в приведенном нападении Эмина на Сумарокова глубоко знаменательно. Прежде всего самая озлобленность, ядовитость нападения; так нападают на врага, притом врага в самых основах его бытия и мышления. Характерно и обозначение Сумарокова как льстеца — «ласкательствующих стихотворческих пер»; кому он льстит, по мнению Эмина? Повидимому, дворянству. И самый главный пункт спора: Сумароков в своей исторической работе — «пристрастен ко дворянству»; он — дворянский писатель, и именно это обвиняет его в глазах Эмина.

Мало того, Сумароков именно как дворянский идеолог, проявляет «ненависть к отечеству», т. е. нации, которую видит в облике отечества буржуазный писатель Эмин, и которой не существует как единства для Сумарокова, делящего нацию на несмешиваемые и пеливаемые сословия. «Ненависть к отечеству» видит Эмин, конечно, и в том барском презрении к «черни», которое пронизывает брошюру Сумарокова. О «черни», требующей иного, примитивного, обращения к себе, чем «люди просвещенные», говорит он уже на 5 странице ее; на стр. 15 — «лучше быть народу под игом иноплемеников, нежели под игом вооруженной черни; и ласка своевольству их быть под их стражею, и трептати день и ночь». Восставшие стрельцы и «черпь» — это «безмозглые люди» (стр. 20) и т. д.

Но не менее характерен и тот специфический оборот, который придает Эмин своему обвинению Сумарокова в пристрастии к дворянству. Прежде всего он настойчиво подчеркивает, что Сумароков скрывает бунтарские навыки и возможности в дворянстве и, что он в то же время «ища своей пользы... разбойников в героев претворяет»; разбойники — это дворяне-бунтари. Примечательно это «ища своей пользы». Мне думается, что Эмин явственно намекал здесь на «неблагонадежность» Сумарокова, на его связь с дворянской фрондой, с «бунтарями и разбойниками» 60-х годов XVIII в., а не 1682 г., т. е. с дворянами, недовольными порядками самодержавия и Елизаветы и, — это выяснилось в комиссии 1767 года — Екатерины.

Эмин пишет здесь что-то вроде доноса на Сумарокова, обвиняя его в сочувствии к дворянам-бунтарям.

С другой стороны, самое обвинение идет с позиций весьма верно-подданных. Эмин помнит, что дворянство любило подчеркивать свою роль, как «опору трона», он отвечает дворянскому идеологу Сумарокову: нет, дворянство не опора трона; оно фрондирует, бунтует. Эмин тягается с Сумароковым в преданности самодержавию и легко одерживает победу.